

О СВОЙСТВАХ СУБЪЕКТА ПРИЧАСТИЙ НА -М В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Т.И. Давидюк

Институт языкознания РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова
rachekit@yandex.ru

В татышлинском удмуртском возможны различные стратегии оформления сентенциального актанта (СА). В данной работе мы остановимся на стратегии с причастием на *-m*, которая встречается при целом ряде матричных предикатов: при фазовом предикате *duktânâ* ‘прекратить’, при нескольких модальных предикатах (в конструкциях с глаголом *liânâ* ‘быть’ со значением ‘получаться’ и с глаголом *potânâ* ‘выходить’ в значении ‘хотеть’), при эмоциональных и ментальных предикатах, а также при предикатах восприятия и речи. Практически со всеми перечисленными матричными предикатами конструкция с причастным оборотом конкурирует с финитной конструкцией, вводимой союзом *š(u)sa*, заимствованными русскими союзами или комбинацией исконного и заимствованного союза (1a–c). Выбор между финитной и нефинитной стратегией также является важной исследовательской темой (см. исследования А.А. Кибрика (2008; 2013), выполненные на материале карачаево-балкарского языка), которая, насколько нам известно, пока не была подробно рассмотрена на материале удмуртского языка. Данные, представленные в настоящей работе, были собраны в ходе экспедиции МГУ имени М.В. Ломоносова в Татышлинский район Республики Башкортостан летом 2022 года.

- (1) а. *Vas'a tod-e pet'a-les' košk-em-ze.*
Вася знать-Prs.3Sg Петя-Gen2 уйти-Ptcp.Pst-Acc.3Sg
- б. *Vas'a tod-e (što) pet'a košk-i-z šusa.*
Вася знать-Prs.3Sg Петя уйти-Pst-3Sg что
- в. *Vas'a tod-e što pet'a košk-i-z.*
Вася знать-Prs.3Sg что Петя уйти-Pst-3Sg
‘Вася знает, что Петя ушёл’.

В примере (1a) субъект причастной клаузы маркируется генитивом. Как указано в работе Сердобольская и др. (2012), в бесермянском языке субъект

причастия на *-m* в конструкциях с сентенциальными актантами (КСА) всегда оформляется генитивом. В работе Georgieva (2016) приводятся данные о неоформленных субъектах в некоторых других удмуртских диалектах. В татышлинском удмуртском в конструкциях с причастием на *-m* в КСА возможны неоформленные субъекты:

- (2) *Vas'a kâl-e pînä üt-em-ez.*
 Вася слышать-Prs.3Sg собака лаять-Ptcp.Pst-Acc
 'Вася слышит, что собака лает'.

Е. Георгиева (2016) анализирует немаркированные субъекты как элементы компаундов на основании следующих их свойств:

- невозможность присоединения именной морфологии;
- невозможность нахождения в позиции немаркированного субъекта личных местоимений или имен собственных;
- неотделимость немаркированного субъекта от причастия;
- невозможность анафорической отсылки к немаркированному субъекту;
- невозможность иметь собственные модификаторы.

Перечисленные свойства (кроме свойства анафорической отсылки) были проверены для немаркированных субъектов в татышлинском удмуртском. Немаркированные субъекты, в отличие от генитивных, действительно неспособны присоединять именную морфологию:

- (3) а. **Vas'a tod-e pîni-jos üt-em-ez / üt-em-zes.*
 Вася знать-Prs.3Sg собака-Pl лаять-Ptcp.Pst-Acc лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Pl
 б. *Vas'a tod-e pîni-jos-les' üt-em-zes.*
 Вася знать-Prs.3Sg собака-Pl-Gen2 лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Pl
 'Вася знает, что собаки лают'.
- (4) а. **Vas'a kâl-e pîni-je üt-em-ez / üt-em-ze.*
 Вася слышать-Prs.3Sg собака-Poss.1Sg лаять-Ptcp.Pst-Acc
 лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg
 б. *Vas'a kâl-e pîni-je-les' üt-em-ze.*
 Вася слышать-Prs.3Sg собака-Poss.1Sg-Gen2 лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg
 'Вася слышит, что моя собака лает'.

Однако немаркированный субъект может иметь собственные модификаторы. В примере (5) показана модификация немаркированного субъекта прилагательным (отметим, что в удмуртском, как и в других уральских языках, имеется два прилагательных со значением 'старый', одно из которых — *peres'* — употребляется исключительно для одушевленных объектов; таким образом, в (5) прилагательное однозначно относится к субъекту *pînä* 'собака'),

в примере (6) — модификация немаркированного субъекта числительным, в примере (7) — модификация указательным местоимением.

(5) *Vas'a kâl-e peres' pînä üt-em-ez.*

Вася слышать-Prs.3Sg старый собака лаять-Ptcp.Pst-Acc

‘Вася слышит, что старая собака лает’.

(6) *Ruslan adž'-i-z vit' karandaš üs'-em-ez.*

Руслан видеть-Pst-3Sg пять карандаш падать-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видел, что пять карандашей упало’.

(7) *Ruslan adž'-i-z ta karandaš üs'-em-ez.*

Руслан видеть-Pst-3Sg этот карандаш падать-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видел, что этот карандаш упал’.

Что касается отделимости немаркированного субъекта от причастия, то он способен отделяться от причастия прямым объектом, причём приемлемость предложения повышается в случае, если объект выражен местоимением (8)–(9). Пример (9) демонстрирует ещё одно важное свойство немаркированного субъекта — способность связывать рефлексив. Обстоятельством места, выраженным именем в локативном падеже или послеложной группой, немаркированный субъект не может быть отделен от причастия, в отличие от генитивных субъектов (10)–(11).

(8) *ⁱRuslan adž'-e vuko ž'u(-ez) iz-em-ez.*

Руслан видеть-Pst.3Sg мельница зерно-Acc молотье-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видит, что мельница мелет зерно’.

(9) *Ruslan adž'-e pînä as-se n'ul-em-ez.*

Руслан видеть-Prs.3Sg собака Refl-Acc.Poss.3Sg лизать-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видит, что собака вылизывает себя’.

(10) а. **Vas'a kâl-e pînä azbar-ân üt-em-ez.*

Вася слышать-Prs.3Sg собака двор-Loc лаять-Ptcp.Pst-Acc

б. *Vas'a kâl-e pînä-les' azbar-ân üt-em-ze.*

Вася слышать-Prs.3Sg собака-Gen2 двор-Loc лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg

‘Вася слышит, что собака во дворе лает’.

(11) а. **Vas'a adž'-e mašina s'üres vâl-ti lâkt-em-ez.*

Вася видеть-Prs.3Sg машина дорога верх-Prol приходить-Ptcp.Pst-Acc

б. *Vas'a adž'-e mašina-les' s'üres vâl-ti*

Вася видеть-Prs.3Sg машина-Gen2 дорога верх-Prol

lâkt-em-ze.

приходить-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg

‘Вася видит, что машина по дороге едет’.

Наконец, немаркированные субъекты в татышлинском могут быть выражены личными местоимениями и именами собственными, однако это зависит от синтаксической позиции СА. Предположение о влиянии синтаксической позиции СА, выраженного причастием на *-m*, на маркирование субъекта высказывается в работе Georgieva (2016), но не получает в цитируемой работе эмпирического подтверждения. В КСА в субъектной позиции возможны только генитивные личные местоимения и имена собственные (12) (для экономики места в примерах (12)–(15) приводятся только конструкции с личными местоимениями). В КСА в позиции прямого объекта немаркированные субъекты, выраженные личными местоимениями и именами собственными, становятся маргинально возможны (13). Для КСА в позиции косвенного объекта немаркированная форма субъектов-личных местоимений и имен собственных становится приемлемой для большинства опрошенных носителей (14)–(15). Для субъектов-неодушевленных существительных параметр синтаксической позиции СА не важен.

- (12) *Tamara-lâ kel'š-e mânam / *mon kêr'ž'a-m.*
 Тамара-Dat нравиться-Prs.3Sg я.Gen я петь-Ptcp.Pst
 'Тамаре нравится, что я пою'.
- (13) *Vas'a tod-e mânes'tâm / ??mon košk-em-ez.*
 Вася знать я.Gen2 я уйти-Ptcp.Pst-Acc
 'Вася знает, что я уехал'.
- (14) *Maša âšan-e mânam / ?mon lâkt-em-lâ.*
 Маша верить-Prs.3Sg я.Gen2 я приходить-Ptcp.Pst-Dat
 'Маша верит, что я приду'.
- (15) *Vas'a vera-s'k-e maša-jen mânam / ?mon košk-em s'aris'.*
 Вася говорить-Detr-Prs.3Sg Маша-Ins я.Gen я уйти-Ptcp.Pst об
 'Вася разговаривает с Машей о том, что я уезжаю'.

Особенности, наблюдаемые в маркировании субъекта причастий на *-m* в КСА, нельзя свести к правилам маркирования посессора в именной группе, о которых см. в Бызова, Давидюк (2021). Во-первых, личные местоимения в именной группе всегда выступают в форме генитива, тогда как в КСА они возможны и не в генитивной форме. Во-вторых, маркирование посессора в именной группе не зависит от синтаксической позиции группы, тогда как в КСА, как мы увидели выше, прослеживается такая зависимость. Кроме того, немаркированные посессоры в именной группе не обладают теми свойствами, которыми обладают немаркированные субъекты причастий на *-m* в КСА: немаркированные субъекты в КСА могут иметь собственные модификаторы

и могут быть определенно-референтными. Тем не менее, по большей части в конструкциях с причастием на *-m* в КСА сохраняются правила посессивного согласования, действующие в татышлинской именной группе.

Таким образом, уже на основании перечисленных свойств затруднительно считать немаркированные субъекты элементами компаундов. В работах Сердобольская (2008) и Pleshak (manuscript) немаркированные субъекты причастий в лугово-восточном марийском и горномарийском языках соответственно трактуются как формы номинатива, однако при приложении такого анализа к материалу татышлинского удмуртского возникают вопросы, почему у немаркированных субъектов невозможна именная морфология и почему у них имеются ограничения на модификацию и линейную позицию, в отличие от генитивных субъектов. На эти и многие другие вопросы ещё предстоит получить ответ.

Список сокращений

Acc — аккузатив, Dat — датив, Gen — генитив, Gen2 — «второй» генитив, Ins — инструменталис, Loc — локатив, Pl — множественное число, ProI — пролатив, Prs — настоящее время, Pst — прошедшее время, Ptcp — причастие, Refl — рефлексив, Sg — единственное число, 1–3 — лицо.

Литература

- Бызова А.А., Давидюк Т.И. 2021. *Морфосинтаксические свойства именной и после-ложной групп в татышлинском говоре удмуртского языка*. XVIII конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 25–27 ноября 2021 г.).
- Сердобольская Н.В., Ильевская А.А., Минор С.А., Митева П.С., Файнвейц А.В., Матвеева Н.С. 2012. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках. В кн.: А.И. Кузнецова, Н.В. Сердобольская, С.Ю. Толдова, С.С. Сай, Е.Ю. Калинина (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 382–476.
- Сердобольская Н.В. 2008. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именованное зависимое. В кн.: В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). *Исследования по глагольной деривации: сборник статей*. М.: Языки славянских культур, 314–347.
- Кибрик А.А. 2008. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка). В кн.: В.Ю. Гусев, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, 99–134.

- Georgieva E. 2016. The case-marking of subjects in Udmurt, Komi-Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses. *Nyelvtudományi Közlemények*, v. 112, 77–107.
- Kibrik A.A. 2013. Discourse semantics and the form of the verb predicate in Karachay-Balkar. A corpus-based and experimental study. In B. Bickel, L.A. Grenoble, D.A. Peterson, and A. Timberlake (eds.). *Language Typology and Historical Contingency. In Honor of Johanna Nichols*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 3–46.
- Pleshak P. *Subject Case marking and agreement in Hill Mari nominalizations and participles*. Term paper. Manuscript.